

РЕЦЕНЗИИ / REVIEWS / РЕЦЕНЗИСЕМ

Рец. на: Савельев А. В., Мясников Н. С. К происхождению этнонима *чуваш*: основные версии и их историческая интерпретация / А. В. Савельев, Н. С. Мясников; науч. ред. Э. Е. Лебедев. Чебоксары: ЧГИГН, 2026. 60 с. (Научные доклады / ЧГИГН; вып. 41).

А. В. Дыбо,

заведующий Отделом урало-алтайских языков
Института языкознания РАН,
доктор филологических наук, профессор, член-корреспондент РАН,
г. Москва, Россия
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6077-7183>
adybo@mail.ru

The review on: Saveliev A. V., Myasnikov N. S. On the origin of the ethnonym *Chuvash*: the main versions and their historical interpretation / A. V. Saveliev, N. S. Myasnikov; scientific ed. E. E. Lebedev. Cheboksary: Chuvash State Institute of Humanities, 2026. 60 p. (Scientific reports / Chuvash State Institute of Humanities; issue 41).

A. V. Dybo,

Head of the Department of Ural-Altaic Languages,
Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences,
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6077-7183>
adybo@mail.ru

Рец.: Савельев А. В., Мясников Н. С. Чăваш этноним пулăвĕ çинчен: тĕп ăнлан-тарусем тата вĕсене истори тĕлĕшĕнчен хаклани / А. В. Савельев, Н. С. Мясников; ăслăлăх ред. Э. Е. Лебедев. Шупашкар: ЧПГĂИ, 2026. 60 с. (Ăслăлăх докладĕ / ЧПГĂИ; 41-мĕш кăларăм).

А. В. Дыбо,

Раççей ăслăлăх академийĕн Чĕлхе пĕлĕвĕн институтĕнчи
Урал-алтай чĕлхисен пай ертÿси,
филологи ăслăлăхĕсен докторĕ, профессор,
Раççей ăслăлăх академийĕн корреспондент членĕ,
Мускав хули, Раççей
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6077-7183>
adybo@mail.ru

© Дыбо А. В., 2026

Научный доклад А. В. Савельева и Н. С. Мясникова, опубликованный в серии «Научные доклады / ЧГИГН; вып. 41», посвящен крайне актуальной и интересной, в частности, для широкого читателя, теме. Действительно, этимологизация этнонимов, как и топонимов, чрезвычайно важна для верификации этноисторических гипотез, и, как правильно отметил В. В. Напольских, занятия этнонимикой немыслимы вне междисциплинарных, историко-филологических исследований. Замечу, что для собственно сравнительно-исторического языкознания этимологизация онимов — наоборот, довольно периферийная дисциплина, что связано с особенностями семантической структуры онимов — это пропозиционально непрозрачные знаки с вырожденным сигнификатом. Этимолог, работая с апеллятивами, кроме реконструкции внешней (фонетической) стороны языкового знака должен произвести и реконструкцию сигнификативной лексической семантики (обычно

основываясь на признаковом анализе представленных по языкам лексических значений и анализе структуры рефлексной многозначности между родственными языками), таким образом ограничивая выбор этимологических гипотез. В случае же этимологизации онимов вторая сторона реконструкции — семантическая — в лингвистическом смысле примитивнее, реконструируется собственно не сигнификат, а мотивация знака (разумеется, только в том случае, если она сколько-нибудь ощутима), и реконструкция сводится не к признаковому анализу, а к применению нескольких равновероятных типологических фреквенталий (в случае этнонима — образование от локализирующего слова, в частности, от ландшафтного термина или топонима; от слова «человек»; от обозначений речевой способности, при том, что сохраняется принципиальная возможность образования от любого примененного для характеристики человеческой популяции апеллятива: «оленные», «змеи», «огнепоклонники», «черноногие» и проч.). Поскольку же засвидетельствованы многочисленные случаи замены эндоэтнонимов экзоэтнонимами и, наоборот, в принципе позволено искать источник звукового облика исследуемого слова в любой языковой группе, носители которой когда-либо могли контактировать с популяцией — носителем этнонима. Оба этих момента чрезвычайно расширяют возможности построения этимологических гипотез и, наоборот, сужают возможности отбора из них более или менее вероятных. Отсюда обилие топонимических и этнонимических легенд, имеющих народно-этимологическое происхождение, и живучесть псевдоисторических гипотез вроде происхождения эндоэтнонима якутов *saxa* от иранского этнонима *saka*.

Рецензируемый научный доклад А. В. Савельева и Н. С. Мясникова как раз представляет собой методически идеальное совместное междисциплинарное исследование лингвиста — специалиста по истории чувашского языка и его контактов и историка — специалиста по археологии и этнографии народов Урало-Поволжья.

Во введении авторы формулируют (с опорой на теоретическую статью В. В. Напольских 2025 г.) основные теоретические предпосылки исследования и поясняют, как именно произведен отбор материала для этимологического разбора из множества существующих этимологических предложений к этнониму *чуваши*. С их аргументами вполне можно согласиться.

В первом разделе работы произведен весьма тщательный историко-филологический разбор употребления этого этнонима, а также других возможных номинаций чувашей, в разнообразных письменных источниках XVI — XVII вв. К этому разделу у меня только два замечания.

1. На с. 6 авторы говорят о написании этнонима у Н. Витсена и приводят только одно написание *Tzoewachi*, правильно трактуя *oe* как записанное по правилам ранненовоголландской орфографии [y]. Ссылаются они при этом на два места в русском переводе Витсена (Витсен Н. Северная и Восточная Тартария, включающая области, расположенные в северной и восточной частях Европы и Азии. Т. 2 / пер. с гол. В. Г. Трисман; ред. и науч. рук. Н. П. Копанева, Б. Наарден. Амстердам: Pegasus, 2010. С. 906, 1114), где этноним переведен (*чуваши*). Но в оригинале, во всяком случае, в издании 1692 г. (Noord En Oost Tartarye; Behelzende verscheide byzondere gewesten, in't Noorder en Ooster Asiatische en Europische Tatarye gelegen. Amsterdam MDCCV, Tweede deel) на с. 467 мы действительно видим написание *Tzoewachi*; а при втором упоминании на с. 541 написание иное (*Ceremissi*, *Tzuvasi*). Это не имеет особого значения для фонетической интерпретации (транскрипции Витсена вообще далеки от последовательности), но источниковедческая аккуратность требовала бы привести и это второе написание.

2. На с. 10 — 11 находим следующее высказывание: «Тот факт, что русские источники могли обозначать чувашей термином *горные черемисы*, прямо подтверждается записями А. Курбского о событиях 1552 г.: “Егда же преплывшася Суру реку, тогда и Черемиса Горняя, а по их чуваша зовомые, язык особливый, начаша встречати по пяти сот и по тысяще их, аки бы радующеся цареву пришествию”». Но как раз данная цитата из А. Курбского буквально переводится с церковнославянского русского извода следующим образом: «Когда же переправились через реку Суру, тогда и верхние черемисы, а после них (вслед за ними) называемые *чуваша*, особый народ, начали встречать...» и т. д. То

есть здесь Андрей Курбский прямо говорит, что чувашаи — это отдельный народ, встретившийся московскому войску после верхних черемисов, по-видимому, далее на восток от Суры. Правда, как сообщил мне А. В. Савельев, в исторических работах по чувашеведению принято использовать современный русский перевод А. А. Алексеева (Библиотека литературы Древней Руси. Т. 11. Сочинения Андрея Курбского. История о великом князе Московском. URL: <http://lib.pushkinskiydom.ru/default.aspx?tabid=9862>): «Когда переправились мы через реку Суру, стали встречать нас, как бы радуясь приходу царя, по пятьсот, по тысяче человек верхних черемисов — особый народ, называемый по-русски чувашами» — но такой перевод нельзя объяснить ничем, кроме недоразумения, церковнославянский текст совершенно ясен. Судя по другим встречаемым этнонима *чувашаи*, Андрей Курбский как раз систематически отличает их от черемисов.

Это, конечно, не противоречит обсуждаемому далее в докладе смешению понятий *чуваши* и *черемис* в несколько более поздних документах. Определение трех зон чувашского заселения на территории Казанской земли в XVI — XVII вв. (с. 12) выглядит вполне правдоподобным.

Во втором разделе доклада рассмотрены семь наименее вызывающих формальные возражения этимологий этнонима *чуваши*. Авторы, в частности, выявляют ряд участвовавших в этимологизации фантомных форм, что, конечно, делает соответствующие этимологии категорически неприемлемыми. Из аргументов против этимологизации *чуваши* как **tiab-gač* я бы исключила доказанную монгольскую принадлежность языка табгачей (с. 19): не отказываться же нам на том же основании от монгольского происхождения тюркских этнонимов *ногай* и *долан*.

Отвлекаясь от семантических и исторических комментариев авторов по этим этимологиям (все они выглядят весьма разумно), замечу, что для большей их части имеется одна и та же формальная проблема: нуждается в объяснении происхождение начального *ч*-. Авторы настаивают на том, что при заимствовании в татарский чув. *ç*- должно интерпретироваться татарской фонологией как *ш*-. Кроме приводимых в статье случаев чув. *ç*- (< пратюрк. **j-*) → тат. *ш*- (чув. *çырма* ‘речка’ > тат. формант гидронимов *-ширмэ*, чув. *çёрё* ‘кольцо, цевка’ > тат. *шуре* ‘цевка, шпилька’, чув. *çара* ‘голый’ > тат. *шәрә*, чув. *çёмёрт* ‘черемуха’ > тат. *шомырт* есть, по-видимому, и случаи адаптации неначального *ç* как *ш*, ср. чув. *кёпçe* ‘ступица колеса, трубка, полый стебель’ (< **kırçek*) → тат. *көпиә* ‘трубчатый стебель’. Соответственно, для всех случаев, когда предполагается чувашский источник этнонима с начальным *ç*-, приходится «предполагать заимствование этого термина татарами от каких-нибудь сохранившихся ч-кающих групп волжских булгар после 1236 г.» (с. 24).

Однако можно предложить и случаи адаптации чув. *ç* через тат. *с*: ср. чув. *çуҫ* ‘волосы’ (ПТю **sač*) — тат., башк. *суҫ* ‘кудель, волокно’ (из тат. обратное заимствование чув. *суҫ* ‘волокно, кудель’). Возможно, разные способы адаптации относятся к разновременным заимствованиям и/или к разным позициям (второй, вероятно, более поздний). При этом в самом татарском можно наблюдать развитие **s....č > č....š* — кроме двух отмеченных в статье этнонимов (тат. *чуаш*, *чирмеш*), так ведет себя глагол **set-* ‘развязывать’: др.-уйг. МК *seš-*, чув. *сал-т-*, тат. *чиш-* (ср. подобное же развитие в кумыкском: **si:t* ‘колышек, зуб’, др.-уйг. *siš*, МК *si:š*, чув. *шәл* ‘зуб’, тат., башк. *шеш* ‘шест в середине стога’, кум. *чиш* ‘шампур’). Позднее заимствование чув. **çävaç*, **çarmäç* в тат. **суаш*, **сирмеш*, последующее развитие в тат. *чуаш*, *чирмеш* и обратное заимствование в чувашский, кажется, вписывается в предполагаемый этимологический сценарий.

В заключении к докладу авторы еще раз перечисляют этимологические аргументы, которые приводят их к тому, что наиболее вероятным является возведение этнонима *чуваши* к неплохо засвидетельствованному по рефлексам ПТю **jogoč* ‘находящийся на той (противоположной) стороне’. Этот вывод выглядит хорошо обоснованным. Мы не можем быть уверены, что с обретением нового тюркологического материала данная гипотеза не должна будет смениться какой-то еще, но при настоящем состоянии дел ее следует принять. Историческая интерпретация фактов археологии и источников вполне с нею согласуется.

Отметим, что рецензируемый доклад явно превосходит по уровню проработанности — не только исторической, но и лингвистической — последний научный текст по

данной проблематике, а именно рассуждения о происхождении этнонима *чуваши* в книге К. Адягаши (Agyagási K. Chuvash Historical Phonetics. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2019. Рр. 8 — 12). Удивительно, что в этой книге авторства маститого специалиста-чувашевода не учитываются не только необщепризнанные наработки по чувашской исторической фонетике в русле Московской школы, но и практически мейнстримные построения Гёттингенской школы; так, при рассказе о «потусторонней» этимологической гипотезе приводится ложная древнетюркская форма **joγač*, хотя реально засвидетельствована форма JWGŪČ, которая при учете современных когнатов (с широкой гласной во втором слоге) должна читаться как *joγoč*, с соответствующими выводами по поводу чувашской формы (в рецензируемом докладе разобрано на с. 35 — 36).

Итак, и с источниковедческой точки зрения — в той степени, в которой эта информация в настоящее время доступна; и с историко-лингвистической — настолько, насколько вообще можно доверять этимологическим построениям в области ономастики, мы имеем дело с высокопрофессиональной, надежно обоснованной работой, в которой, можно считать, решена важная научная проблема, имеющая большое значение для этноистории Урало-Поволжья.

Рецензия поступила в редакцию 03.02.2026, принята к публикации 05.03.2026;
the reviewed was submitted 03.02.2026, accepted for publication 05.03.2026;
рецензи редакции 03.02.2026 җитнӗ, пичетлеме 05.03.2026 йышӑннӑ.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи;
the author has read and approved the final version of the manuscript;
автор ал ҫырӑвӑн юлашки вариантне вуласа тухнӑ тата ырланӑ.